

Салават Исхаков

Европа и мусульмане из России: первый опыт сотрудничества в начале XX века

Заново переосмысливая ныне культурно-историческое взаимодействие Европы и мусульманского мира России в XIX-XX вв., следует обратить внимание на некоторые малоизвестные и запутанные страницы этой истории, которые на самом деле представляют большой интерес и для современности.

Со второй половины XIX в. у мусульманских народов Российской империи по мере распространения мысли, навешанной мусульманскими теологами, что ислам вовсе не противоречит европейской культуре, возникает интерес к европейской культуре и мысли, на смену идеалам, отрицавшим ценность земного мира, медленно пробуждаются общественные запросы, отчасти подсказанные знакомством с жизнью Европы. Важную роль при этом сыграли переводы европейских просветителей, писателей, философов, мыслителей. Все сильнее и шире начинает проявляться внимание к странам и народам Европы со стороны мусульманского населения Российской империи, в особенности тех, кто жил в европейской части России.

Начало XX в. в российской истории ознаменовалось общественными потрясениями, вызванными оппозиционным и революционным движениями. Рост общественного недовольства, водоворот событий коснулся и российских мусульман. Хотя причины вовлечения мусульман в революционный процесс были иными, чем у остального населения страны, становилось ясным, что мусульманский фактор мог оказать воздействие на ход событий в России. Со своей стороны, мусульмане предприняли беспрецедентную попытку обратиться к европейской общественности за поддержкой. Симптоматично уже само

желание мусульман из России установить контакты с общественными и властными кругами европейских стран.

В начале апреля 1904 г. группа татар провела в Казани нелегальное собрание, участники которого составили обращение на десяти страницах, написанное на французском языке, с призывом к европейским державам воздействовать на русское правительство, поскольку то, начиная с 1893 г., еще при Александре III, следуя его национальной политике, стало ущемлять права мусульман в России. В документе говорилось, что цивилизованным европейским государствам надлежит постараться склонить русское правительство к восстановлению свободы совести и религии и всех прав мусульман в России, русской власти следует растопить ненависть, которую они фактически вселяли в мусульман ради своих собственных интересов¹. В Европе это обращение привлекло внимание не только правящих кругов, но и ученых. В частности, известный тюрколог и этнограф венгерско-еврейского происхождения А. Вамбери (1831-1913) в феврале 1905 г. в лондонском журнале опубликовал статью *The Awakening of the Tatars* («Пробуждение татар»). «Культурное пробуждение татар неизбежно привело их к политическому пробуждению», — писал он в этой статье. В качестве доказательства существования у татар мечты о политической свободе и свободе совести он приводил упомянутую петицию. В ней было сказано, что мусульмане раньше были свободны в отправлении своих религиозных обрядов и пользовались равными правами с русскими. Если бы эти права были бы должным образом защищены и соблюдены, татары относились бы к правительству с полным повиновением. Вамбери уверял, что, какой бы ни была причина, западные идеи быстро и глубоко внедрились в сознание татар, турок и кавказцев. Подобно русским нигилистам, все они со всей страстью ухватились за них².

Факт обращения группы мусульманских интеллектуалов напрямую к европейским правителям показывает, что мусульмане в России весьма надеялись на помощь европейцев, проявлявших повышенное внимание к проблемам «малых» народов. Однако ситуация вскоре кардинально изменилась,

¹ J.M. Landau, *An Early Appeal by Russia's Muslims for International Support* // Journal of the Institute of Muslim Minorities Affairs, Vol. 11, No. 2, July 1990, p. 234-242.

² Вамбери А. *Пробуждение татар* // Татарстан. — 1996. — № 11. — С. 26, 30.

поскольку в начале 1905 г. в России началась первая русская революция.

В ее условиях мусульманские лидеры в России в большинстве своем не собирались поддерживать требования социалистов. Наиболее влиятельными среди российских мусульман были консерваторы и либералы. Лояльность, законопослушность являлись характерной чертой массовой психологии мусульманского населения Российской империи, которое в целом не присоединилось к революционным настроениям. В ходе революционных потрясений в мусульманской среде, особенно среди образованных слоев, все же происходили заметные сдвиги.

С их точки зрения, выраженной одним муллой в статье, опубликованной в 1909 г. во французском журнале «Revue du monde musulman», идеи и принципы национального развития мусульмане из России позаимствовали прежде всего у русских и отчасти у западноевропейцев, с которыми они все больше соприкасались³. Такого рода намерения требовали для своей реализации немало времени и сил и, разумеется, образованных людей, знакомых с европейскими достижениями.

Не случайно незадолго до первой мировой войны во Франции, Германии, Бельгии и других европейских странах учились несколько мусульман из России, среди которых были и женщины, в том числе первая в истории татарского народа женщина-математик, выпускница Сорбонны — С. Шакулова. Подобное тяготение к европейской культуре оставалось без научного анализа, вместо которого принято было считать, что эти подданные, большинство которых составляли тюркские народы, были якобы подвержены идеям панисламизма и пантюркизма.

В действительности поражение Турции в Балканских войнах, как верно заметили эксперты из российского военного ведомства, не могло в глазах мусульман из России «не подорвать значительно престижа Турции, как исторического центра мусульманского мира». Мусульмане опасались, что это — начало конца Турции, последнего мусульманского государства, а вместе с ней и всех народов, исповедующих ислам. Российским мусульманам стало казаться, что «весь свет ополчился против ислама» и это чувство «усугубляется отно-

³ Алексей, епископ. *Из мусульманского мира. Успехи образования у русских мусульман* // Православный собеседник. — 1910. — № 5. — С. 659, 666-667.

шением к этой войне русской интеллигенции, симпатии которой на стороне балканского союза». Поскольку Оттоманская империя «обречена на погибель», мусульманские интеллектуалы в России решили, что «надеяться на Турцию татарам более не приходится» и поэтому российским тюркам, «стоящим гораздо выше по культуре», необходимо «взять свою судьбу в свои руки»⁴. С таким настроением российские мусульмане встретили первую мировую войну, которая оказала на них, как и на другие народы страны, огромное влияние. В русскую армию было призвано от 1 до 1,5 млн. человек, что составляло до 10% общей ее численности. Призывались татары и башкиры, в чьей лояльности государство не сомневалось. Вообще война вызвала повышенный интерес к российским мусульманам. Причинами для беспокойства, в частности, православных правителей стало то обстоятельство, что в ноябре 1914 г. стамбульские улемы издали пять фетв и прокламаций, предписывающих мусульманам подняться на священную войну (джихад) против держав Антанты, а в декабре 1914 г. десять видных улемов из самых разных стран издали прокламацию «К мусульманским солдатам». В стамбульской фетве, в частности, подчеркивалось, что Россия, Англия и Франция прилагают все усилия к тому, чтобы «погасить высокий свет ислама». Фетва призывала мусульман, находящихся под властью правительств названных государств, объявить им «священную войну». Турция представляла в фетве как объект очередного крестового похода. Втягивая Турцию в войну, Германия надеялась, что это создаст внутренние затруднения для держав Антанты, которые насчитывали у себя миллионы подданных-мусульман.

Таким образом, первая мировая война и кризис европейских империй оказали огромное воздействие на мусульман и поставили перед ними ряд вопросов, ответить на которые пытались и представители мусульманской элиты в России. На каких основах строить сосуществование с европейской цивилизацией? Что делать в отношении халифата? Какой приоритет — религиозный или этнический — избрать, дабы обеспечить своим народам достойное место в меняющемся мире? Война, в сущности, знаменовала собой начало нового

⁴ *Национальные движения в период первой революции в России: Сборник документов из архива быв. департамента полиции.* — Чебоксары, 1935. — С. 274-275.

этапа во взаимоотношениях российских мусульман с европейской политикой и западным миром в целом.

В начале войны мусульманские массы испытывали колебания и неуверенность. По свидетельству М.-Г. Исхаки⁵, тюркское население в России было поначалу настроено пораженчески, горожане всеми средствами старались уклониться от мобилизации, а бойкот войны со стороны тюркской интеллигенции привел к тому, что число офицеров из тюрков составило ничтожный процент по сравнению с солдатами из них⁶. Особенно усилились «пораженческие» настроения среди казанских татар после неудач русской армии на фронте весной 1915 г. Однако в целом мусульмане в Российской империи обманули ожидания германских экспертов, которые надеялись на волнения, вызванные призывами к джихаду.

Затем австро-германская пропаганда стала энергично поддерживать требование самоопределения – наряду с английскими и французскими колониями – Польши, входившей в состав Российской империи, а также других окраинных ее территорий.

Оказавшиеся после первой русской революции за границей несколько лидеров мусульманских народов империи – А. Агаев⁷, Ю. Акчура⁸, А. Гусейн-заде⁹ и А. Ибрагимов¹⁰ –

⁵ Исхаки (Исхаков) Мухаммед-Гаяз (1878-1954) – казанский татарин, публицист, редактор татарских газет, писатель. Эмигрант.

⁶ Исхаки М.-Г. *Идель-Урал*. – Казань, 1991. – С. 47. Эта книга одновременно была издана в 1933 г. в Берлине и Париже на татарском, русском и французском, в 1934 г. – в Токио на японском, в 1938 г. – в Варшаве на польском языках.

⁷ Ахмед Агаоглу (Агаев) (1869-1939) – азербайджанец, журналист и политик, в 1908 г. уехал в Турцию, младотурок.

⁸ Юсуф Акчура (Акчурин) (1876-1935) – казанский татарин, юрист, экономист, социолог, философ, историк, журналист; учился в Частной школе политических наук в Париже. В 1908 г. уехал в Турцию.

⁹ Алибек Гусейн-заде (1864-1940) – азербайджанец, учился в Петербурге и Стамбуле; один из основателей младотурецкой партии «Иттихад ве Теракки» («Единение и Прогресс»), после младотурецкой революции уехал в Турцию (1910 г.).

¹⁰ Рашит Ибрагим (Ибрагимов) (1857-1944) – сибирский татарин, учитель, в 1877 г. приехал в Стамбул, затем отправился в Мекку и Медину, где в течение четырех лет изучал ислам. Затем вернулся в Россию, стал муллой и преподавателем медресе. Во время первой мировой войны являлся сотрудником военного отдела МИД Германии, участвовал в составлении прокламаций, выступал с проповедями в специальных лагерях для военнопленных-мусульман, вербуя добровольцев для мусульманского батальона. Эмигрант.

организовали в том же 1915 г. специальный Комитет для защиты прав тюрко-татар в России. Цель этого комитета состояла в том, чтобы на международной арене поднять вопрос о национальных правах, включая самоопределение мусульман-тюрков в Российской империи.

После того как в сентябре 1915 г. был создан австро-болгаро-германо-турецкий Четверной союз, делегация комитета (Акчура, Гусейн-заде, крымско-татарский богослов Махмут Эсад Челебзаде и туркестанец Мукимеддин Бегкан) совершила поездку в конце 1915 г. по европейским столицам стран недавно возникшей оси, где была принята премьер-министрами Австрии, Венгрии и Болгарии, а также министром иностранных дел Германии.

Правительствам этих стран был представлен ряд документов, в том числе меморандум под названием *Denkschrift des komitees zum Schutze der Rechte der mohammedanischen turkish-tatarischen Völker Russlands* («Меморандум комитета по защите прав мусульманских тюрко-татарских народов России»). В этом документе, изданном в Будапеште в 1915 г., требовалось восстановление государственности этих тюркских народов, разрушенной Россией, а также освобождение Бухары и Хивы от русского влияния с присоединением к ним всего Туркестана и предоставление административной автономии казахам. Кроме того, был представлен написанный Акчурой документ, которой назывался *Die gegenwärtige Lage der mohammedanischen Turko-Tataren Russlands und ihre Bestrebungen* («Настоящее положение мусульман тюрко-татар в России и их усилия»), который в 1916 г. был издан в Берне отдельной брошюрой¹¹. Появление этой группы мусульман сразу вызвало пристальное внимание со стороны русских дипломатов. Так, согласно секретной депеше русского посланника в Будапеште, направленной 5 декабря 1915 г. в Петроград, в венгерскую столицу прибыла делегация мусульман из России¹². Проекты мусульман производили иногда совершенно иное впечатление на некоторых журналистов. К примеру, согласно сообщению французской газеты «Temps» от 14 декабря 1915 г., эта делегация в Будапеште вручила премьер-министру И. Тисса меморандум, в котором излагалась необходимость восстановления

¹¹ H. Kirimli, *National movements and national identity among the Crimean Tatars (1905-1916)*. Leiden 1996, p. 203, 204.

¹² Архив внешней политики России (далее — АВПР). Ф. 151. Оп. 482. Д. 4323. Л. 19.

Казанского ханства. Конечно, никакой архаизации в подобных предложениях не было, речь шла о культурно-национальной и административной автономии.

В России эти сообщения вызвали почти незамедлительную реакцию. Так, крупный востоковед В. А. Гордлевский в статье «Мечта мусульман», опубликованной во влиятельной столичной газете «Русские ведомости» 18 декабря 1915 г., отмечал: «Жизнь мусульман действительно опутана сетью ограничений... Признание правительством за мусульманами прав на самоопределение составляет главную мечту их; между тем законодательство определенно проводит противоположную точку зрения, урезывая во всем мусульман... Но эти мечты так скромны, что, казалось бы, они не должны встречать на своем пути преград; ведь мусульмане только просят, чтобы были отменены ограничения, установленные для них».

Сообщая о посещении этой депутации венгерского премьера, бакинская газета «Ачыг соз» («Ясное слово») 28 декабря 1915 г. писала, что «не найдется ни одного мусульманина, которой бы поднимал вопрос о восстановлении Казанского ханства или обмолвился об этом хоть одним словом... Русские мусульмане, хотя бы и те, которые обитают по Волге и Уралу, сами очень хорошо понимают, что, составляя меньшинство в узкой полосе посредине такой... страны, как Россия, они не могут образовать ханства и управлять им...»¹³.

Затем, согласно телеграмме Петроградского телеграфного агентства из Копенгагена от 8 декабря 1915 г., эта делегация прибыла в Вену, где была принята министром-председателем К. Штюргом и заместителем министра иностранных дел Форгачем¹⁴, одним из идеологов венгерского общества «Туран», резиденция которого находилась в Будапеште. В итоге этих визитов делегаты получили заверения, что им будет оказана всяческая помощь как от Венгрии, так и от Германии.

У советских историков этот вояж вызвал своеобразную интерпретацию: в русской печати и официальной переписке всячески раздувались слухи о связях «панисламистов» с немцами, ссылаясь на какую-то тюрко-татарскую делегацию к графу Тиссе, которая будто бы изложила план создания Казанского ханства. Департамент полиции сообщал 1 января 1916 г., что такая делегация по непроверенным данным

¹³ Цит. по: Климович Л. *Ислам в царской России. Очерки.* – М., 1936. – С. 320.

¹⁴ АВПР. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4323. Л. 20.

действительно побывала в Австрии в конце 1915 г.¹⁵ Признать факт появления данной группы на европейской политической сцене советская историография явно не хотела.

В постсоветской историографии также предпочитают избегать всестороннего освещения этого важнейшего события. Петербургский исследователь мусульманского вопроса во внутренней политике русского правительства Е. И. Воробьева, с одной стороны, ссылается на мнение помощника заведующего мусульманским отделом Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД С. Г. Рыбакова, который, как и татарские газеты, не был склонен доверять газетным сообщениям в Европе, не исключая возможность провокации со стороны Германии¹⁶. С другой стороны, она полагает, что эта группа мусульманских деятелей, которая считала себя представителями российских мусульман, действительно представляли их интересы и была связана также с мусульманским движением¹⁷.

Для успокоения общественного мнения все же был дан такой ответ: «Слухи о петиции, — писал 17 января 1916 г. в газете «Русские ведомости» Гордлевский, — с которой будто бы депутация от российских мусульман обратилась к гр[афу] Тиссе, вызывают смех: у татар несомненно есть нужды, но они спокойно ждут, будучи убеждены, что правительство — когда придет время — само пойдет навстречу желаниям народа»¹⁸. И власти, и официальная пресса предпочитали игнорировать факт существования этой группы, взявшей на себя на самом деле ответственную, но без каких-либо полномочий от мусульманских организаций внутри России инициативу представлять интересы многомиллионного мусульманского населения Российской империи.

Как бы ни было, участники этой вояжа приобрели немаловажное значение в европейской политике в отношении России. Не случайно находившийся тогда в Европе Ленин в конспекте изданной в 1916 г. в Германии книги Т. Егера,

¹⁵ Тагиров И. Р. *Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль-июль 1917 года)*. — Казань, 1977. — С. 72.

¹⁶ Воробьева Е. И. *Мусульманский вопрос в имперской политике Российской самодержавия: вторая половина XIX века - 1917 г.* — Дисс. ... канд. ист. наук. — СПб., 1999. — С. 166-167.

¹⁷ *Россия и первая мировая война: Материалы международного научного коллоквиума*. — СПб., 1999. — С. 442.

¹⁸ Цит. по: Гордлевский В. А. *Избранные сочинения*. — Т. 4. — М., 1968. — С. 181.

посвященной Персии¹⁹, сделал выписку о том, что особая делегация мусульман из России объезжала ряд европейских правительств с целью «принести им свои жалобы на русский гнет и *требовать* освобождения от русского гнета и *восстановления своих прежних государств*»²⁰. Об этом тексте, опубликованном еще в советскую эпоху, тогдашние историки не вспоминали, а в современной России это высказывание предпочли также не заметить, однако в нем — квинтэссенция сложившейся ситуации, и потому никакого значения не имели полномочия четверки или их отсутствие.

Продолжая развивать международные контакты, тюрки-мусульмане из Российской империи знакомились, в частности, в Швейцарии с разными политиками, в том числе с тем же Лениным.

Весной 1916 г. по инициативе некоторых литовских, украинских, балтийских немцев и других эмигрантских политиков и с помощью германского МИДа была создана *Die Liga der Fremdvölker Russlands* в Швейцарии. Первой акцией этой «Лиги инородцев России» стала публикация в либеральной стокгольмской газете „Dagens Neheter” 10 мая 1916 г., где был помещен текст посланной 9 мая телеграммы-обращения от имени населяющих Россию многих нерусских народов на имя президента США В. Вильсона, в том числе поляков. В нем были подробно изложены факты притеснения многих народов, российских мусульман в частности. «Мы, русские магометане, в количестве 25 миллионов, обвиняем русское правительство в том, что нас вечно угнетали, — отмечалось в этом коллективном послании. — Нам незаконно препятствуют в отправлении своих религиозных обрядов и подвергают политическому преследованию. Нас лишили нашей земли, чтобы подарить ее разным русским фаворитам и вельможам. Всячески препятствуют развитию нашей культуры, на всех поприщах мы подвергаемся ограничениям. Во время войны нет никакой справедливости. Нас преследуют и обращаются с нами жестоко». Авторы телеграммы просили помощи и защиты, закончив это обращение словами: «Таким образом, Россия сама оттолкнула нас. Она и впредь будет продолжать преследование... пока не достигнет своей цели уничтожения инородцев в качестве отдельных народов». В качестве представителей

¹⁹ Речь идет о книге: Т. Jaeger, *Persien und die persische frage*. Weimar 1916.

²⁰ Ленин В. И. *Полн. собр. соч.* — Т. 28. — М., 1973. — С. 704, 709.

мусульман телеграмму подписала все та же четверка — Агаев, Акчурин, Гусейн-заде и Ибрагимов²¹.

Ее действия, однако, вызвали резко негативную реакцию со стороны думцев-мусульман. Так, глава мусульманской фракции Государственной Думы К.-М. Тевкелев²² с ее трибуны заявил, что сказанное в этом документе от лица российских мусульман «представляется клеветой на последних»²³. М. Шахтагинский²⁴ в конфиденциальной справке, направленной в МИД 8 июня 1916 г., также довольно резко заметил, что «этим искателям приключений... кажется, что наступившая политическая конъюнктура благоприятствует играть роль, выдавая себя за представителей и радетелей русских мусульман»²⁵. Думские политики-мусульмане были настроены весьма враждебно к этим мусульманским активистам, которых они прекрасно знали, опасаясь прежде всего обвинений в сепаратизме, очередной антимусульманской кампании, разжигания исламофобских настроений в русском обществе, новых репрессий со стороны властей.

Не обращая внимания на подобную вполне понятную реакцию из стен Думы, эмиссары российских мусульман продолжали участвовать в европейских делах. Наиболее важной их акцией было участие в работе 3-го конгресса созданного еще перед войной в Париже «Союза народов», состоявшегося в Лозанне 27-29 июня 1916 г. Впервые делегация от имени российских мусульман участвовала в международном форуме в Европе и установила контакты с официальными и неофициальными кругами за рубежом²⁶. В частности, Акчурин познакомился с журналистом, освещавшим работу данной конференции большевиком А. Р. Зифельдом²⁷, кото-

²¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. ДПОО. Оп. 260. Д. 74. Л. 38, 39об., 41об., 42; Kirimli H., *Op. cit.*, p. 204.

²² Кутлуг-Мухаммед Тевкелев (1850-192?) — татарин, полковник, земский деятель, депутат I-IV Государственных дум от Уфимской губернии.

²³ Цит. по: Тагиров И. Р. *Дорогой свободы и братства*. — Казань, 1987. — С. 144-145.

²⁴ Мохаммед-ага Шахтагинский (1846-1931) — азербайджанец, учитель, депутат II Государственной думы.

²⁵ АВПР. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4323. Л.27.

²⁶ Kirimli H., *Op. cit.*, p. 206.

²⁷ Зифельд Артур Рудольфович (1889-1939) — эстонец, тюрколог. Вернулся в Россию весной 1917 г., после Февральской революции, вслед за первой группой эмигрантов, в которую входил Ленин.

рый был близок к Ленину, находившемуся тогда в Швейцарии. Таким образом, группа предприимчивых, энергичных мусульманских интеллектуалов фактически получила признание со стороны упоминавшихся европейских стран, с руководством которых установила контакты.

Очень показательны выступления участников этого конгресса, организованного проантантовскими идеологами, указавшими на угнетение славянских народов Австро-Венгрией и Германией, армян — Турцией. Так, Акчурун заявил: «Татары прежде всего хотят для себя культурной автономии. Война очень дорого стоила татарскому народу, но кровь его сынов служит лишь укреплению и размаху российского империализма. Если татарский народ получит режим, способствующий его свободному развитию, — прогнозировал он, — то он внесет свой вклад в общий прогресс человечества».

В выступлении казаха Сафы Ахмедова подчеркивалось, что казахи требовали национальной и религиозной автономии и разрешения вопроса об отнятых у них русскими переселенцами землях; вообще «они хотят иметь такие же права, что и русские», — заявил этот казахский представитель.

Черкес Исмаил Беданок заявил, что оккупация русскими его родины является несправедливостью, черкесы заявляют, что сотрудничество с русским народом стало невозможным: «Мы просим сознательное человечество рассудить нас и избавить от московского ига».

Дагестанец Сеид Тахир аль-Хусейни сказал, что полтора миллиона мусульман Северного Кавказа и Дагестана находятся постоянно в осадном положении и просят «цивилизованный мир» избавить их от управления из русской столицы. После него кратко выступил неназванный представитель Бухары, который поддержал дагестанца.

Все эти высказывания обнаруживают глубокое недовольство мусульманским населением жизнью в Российской империи.

В итоге конференция, в которой участвовали представители 23 народов, приняла Декларацию прав народов. В ней провозглашалось право любого народа на свободное волеизъявление, на признание юридическим лицом, являющимся субъектом международного права; подчеркивалось, что ни завоевание, ни мирное присоединение не дают права кому-либо решать судьбы народов или их территорий. Что касается народов, занимающих определенную территорию, то они

имели право на автономию, в регионах же со смешанным населением представителям того или иного этноса предоставлялась культурно-национальная автономия. Кроме территории, суверенные народы имели право на подобающие условия жизни и на развитие по пути цивилизованных народов²⁸. Эти решения, принятые под сильным влиянием теории культурно-национальной автономии, выдвинутой в начале XX в. австрийскими социал-демократами К. Реннером и О. Бауэром, отвечали интересам и мусульманских народов Российской империи. Не случайно в конце 20-х годов XX в. Исхаки вспоминал, что мусульманская делегация на этом конгрессе «успешно работает и добивается принятия резолюции о самостоятельности Туркестана, Кавказа, Поволжья и Крыма»²⁹. Таким образом, мусульманские эмиссары фактически получили признание Европой прав тюрко-мусульманских народов Российской империи на самоопределение, на административную и культурно-национальную автономию в рамках единого Российского государства вне зависимости от итогов войны.

Между тем позиция русского правительства и русской общественности в отношении мусульманского населения империи стали прямо или подспудно определяться совершенно иными факторами геополитики, среди которых важнейшее значение приобрели армяно-турецкий конфликт в Османской империи весной 1915 г. и восстание мусульманского населения в Средней Азии летом 1916 г.

Поводом к восстанию послужил царский указ от 25 июня 1916 г. о принудительном привлечении на тыловые работы в прифронтовых районах мужского «инородческого» населения в возрасте от 19 до 43 лет. Всего предполагалось мобилизовать 250 тыс. человек для строительства оборонительных сооружений, железных дорог, работы на оборонных предприятиях. Указ словно намеренно пришелся на время рамазана (поста) и, разумеется, был воспринят мусульманами не просто как третиrowание религиозных чувств, к чему они в общем привыкли, а намеренным святотатством. Массовое недовольство мусульман подогрело русское население, распространявшее слухи, что на фронте их используют в качестве живого щита и пр.³⁰ Не

²⁸ *Compte rendu sommaire de la III-me Conference des Nationalites reunie a Lausanne 27-29 juin 1916*. Lausanne [1917]. p. 30, 31, 32, 43-45.

²⁹ Российский государственный военный архив. Ф. 461-К. Оп. 1. Д. 403. Л. 21об.

³⁰ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 365. Л. 300, 302об. – 304об.

дожидаясь окончания священного поста, мусульмане обрушили свой гнев сначала на местных представителей власти, затем на все русское население края. Первыми 4 июля 1916 г. восстали жители Ходжента Самаркандской области, за ним восстание охватило Самаркандскую, Сыр-Дарьинскую, Ферганскую, Закаспийскую, Семиреченскую области. Своей кульминации возмущение мусульман достигло в Джизакском уезде. Восстание было жестоко подавлено.

А. Ф. Керенский, депутат Государственной думы, вернувшись из Туркестана, в своем выступлении на закрытом заседании Думы в декабре 1916 г. сказал, что даже на фронтах он не видел столь «идеально», по его выражению, уничтоженного города, как Джизак (при этом погибло свыше 20 тыс. человек). Он признал: «Того, что происходило в горах Семиречья, никогда, может быть, мир до сих пор не видел». Выступление коренного населения, не имевшего оружия и не подготовленного, было подано местными властями как продуманная акция, для чего местная охранка сама изготовила прокламации о якобы панисламистских и сепаратистских настроениях населения³¹. В результате этого восстания мусульмане в России оказались в сложнейшей ситуации, когда верноподданность была сопряжена со все более возрастающей внутренней отчужденностью от правительства и вообще от русского общества.

После свержения в 1917 г. самодержавия мусульманские народы воспряли духом и с ликованием, надеждой на лучшую жизнь встали в ряды сторонников нового демократического строя. Но Временное правительство продолжало — часто невольно, иногда осознанно — следовать в отношении мусульман политике старой власти. Русская демократия почти не реагировала на просьбы со стороны мусульманских представителей. Первое время после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. мусульманам показалось, что победители хотят пойти навстречу их устремлениям. В действительности большевикам нужна была помощь мусульман в своих интересах, их руководители очень скоро встали на позиции революционной геополитики, в которой мусульманский фактор был лишь разменной монетой.

³¹ Зорин В. Ю., Аманжолова Д. А., Кулешов С. В. *Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законотворчества*. — М., 1999. — С. 197, 198.

Такой подход не устраивал мусульманских политиков, которые стали руководителями нескольких мусульманских государств, возникших в ходе революции и гражданской войны на территории бывшей империи. Первые контакты представителей этих молодых республик с европейскими политиками состоялись в ходе подготовки и во время Парижской мирной конференции.

После провозглашения Азербайджанской Демократической Республики (28 мая 1918 г.) в Стамбул в конце сентября 1918 г. прибыл чрезвычайный министр-посланник при правительствах Турции, Армении и Грузии А.-М. Топчибашев³², который занялся там активной деятельностью, направленной на поиск возможных путей признания независимости Азербайджана и вхождения его в мировое сообщество. Он вручил дипломатическим представителям держав Антанты, находившимся в Стамбуле, меморандум, в котором было сказано о том, что азербайджанские, армянские и грузинские представители, направленные в Стамбул, «высказали предложение о необходимости преобразования Закавказской конфедерации в сторону включения в ее состав также и вновь образованных государств Северного Кавказа, о чем свидетельствуют их пожелания и уже данное согласие. Поддерживая идею кавказской конфедерации, мы выражаем уверенность в том, что полномочные представители азербайджанского, армянского и грузинского народов, равно как и других народов Северного Кавказа, постараются добиться указанной цели на предстоящем всемирном конгрессе... Хочется надеяться на то, что союз этот будет поддержан и одобрен европейскими государствами...»³³. На Парижской мирной конференции Топчибашев, возглавлявший азербайджанскую делегацию, вел активную дипломатическую деятельность по реализации этого замысла.

³² Алимарданбей Топчибашев (1862-1934) — азербайджанец, юрист, журналист, депутат I Государственной думы. После установления советской власти в Азербайджане (1920 г.) эмигрант.

³³ Топчибашев А. М. Меморандум, предъявленный находящимся в Константинополе почетным представителям держав Антанты, членом правительства Азербайджанской Республики, чрезвычайным министром-посланником при правительствах Блистательной Порты, Армении и Грузии Али Мардан-беком Топчибашевым (ноябрь 1918 г.) / Пер. с фр. — Баку, 1993. — С. 37.

С. Максудов³⁴, избранный на Национальном собрании мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири (Уфа, ноябрь 1917 г. – январь 1918 г.) главой этого парламента, а также премьер-министром правительства культурно-национальной автономии, представил Парижской мирной конференции меморандум с рядом условий от имени 10-миллионного мусульманского тюркского населения этих частей страны. В этом документе отмечалось, что поскольку в России, помимо русских, проживает около 100 народов, то ее проблема – это проблема российских народов. Максудов предложил рассмотреть в качестве одного из условий, которые должны быть предъявлены России, принятие Конституции мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири, утвержденной их парламентом в Уфе. Согласно этой Конституции мусульмане становятся равноправными со всеми народами, образующими в своей совокупности Российское государство, и автономны в таких сферах жизни, как религиозная, культурно-национальная, общественное призрение и национальное налоговое обложение. В конце работы Мирной конференции он обратился к ней с призывом, в котором подчеркнул, что российские турки не хотят, чтобы у халифа отнимали проливы и Стамбул, в противном случае страны Антанты приобретут врагов в лице многих миллионов мусульман не только в России, но и во всем мире. Вражда к мусульманам со стороны Запада, по мнению Максудова, могла создать благоприятную почву для распространения идеологии большевизма. Кроме того, возглавляемая Максудовым делегация от мусульман Европейской России и Сибири предложила Мирной конференции обращение в защиту Турции и Халифата от имени тех мусульманских государств, представители которых находились тогда в Париже³⁵.

Вскоре последовал ответ со стороны европейских политиков. Верховный союзный совет Антанты признал независимость республики Азербайджан в начале января 1920 г. Затем последовало признание со стороны Польши, а за ним в феврале 1920 г. – Японии.

6 апреля 1920 г. небольшая делегация от Национального собрания мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сиби-

³⁴ Садри Максуди (1879-1957) – казанский татарин, адвокат, писатель, публицист, депутат II-III Государственных дум от Казанской губернии. Эмигрант.

³⁵ Айда А. Садри Максуди Арсал / Пер. с тур. – М., 1996. – С. 132.

ри, в состав которой, помимо Максудова, входил упоминавшийся Исхаки, была официально приглашена премьер-министром иностранных дел Франции А. Мильераном. В ходе беседы обсуждались два вопроса: просьба о помощи в получении международных гарантий национальных прав мусульман указанных частей России и проблема Халифата. Относительно первого вопроса Мильеран обещал, что может дать гарантии от имени французского правительства, а удовлетворение представленных пожеланий станет одним из условий при подписании договора с Россией. Что касается Халифата, то Мильеран и здесь дал положительный ответ: французская политика будет соответствовать настроениям мусульман³⁶. Как видно, Франция де-факто признала это мусульманское тюркское государство в Европейской России и Сибири как составную часть Российского государства, а также как субъект международных отношений.

Созданная в 1919 г. англо-американскими архитекторами Д. Ллойд-Джорджем и В. Вильсоном Версальская система имела своей политической идеологией нового европейского порядка «вильсонизм» с его лозунгом «демократия и самоопределение».

В этих условиях кемалистская Турция в 1920 г. установила отношения с советской Россией, а в марте 1921 г. между ними был заключен договор о дружбе и братстве, что несомненно сказалось на психологии российских мусульман. В очередной раз у них проснулись иллюзии относительно российской власти.

Однако в связи с признанием советской России Германией, Англией и Францией в 1922-1924 гг. мусульманские политики, находившиеся к тому времени в Европе, испытали сильнейшее разочарование, и они стали уезжать в Турцию, где в 1924 г. усилиями М. Кемаля был упразднен Халифат и была провозглашена республика.

Таким образом, за сравнительно короткий исторический период, примерно за четверть века, в психологии мусульманских народов в России произошли разительные перемены, выразившиеся в процессе перехода от религиозно-духовного изоляционизма к включению в политическую жизнь европейского сообщества, в приобщении к европейской культуре с сохранением при этом своей древней культуры и веры

³⁶ Там же. – С. 255-257.

предков. Мусульманские представители стали участниками первой международной политической организации — «Союза народов», что свидетельствовало о назревании совершенно новой культурно-исторической парадигмы взаимоотношений с Европой в целом, отходом от прежних враждебных стереотипов. Союз народов и Лига народов России были, в сущности, прообразами возникшей позднее Лиги наций, которая, однако, указала, что право на самоопределение противоречит понятию государства как таковому и относится лишь к странам, охваченным войной и революциями. Несмотря на разные военные, политические и иные пристрастия, европейцы и мусульмане из России в условиях первой мировой войны дали пример сотрудничества во имя будущего своих народов, оказавшихся в нестабильной ситуации тяжелейших испытаний.